

Параллелистическая теория душевной жизни *).

Психологія ізслѣдованія въ наши дни, при всемъ разнообразіи существующихъ направлений, въ огромномъ большинствѣ характеризуются болѣе или менѣе ясно выраженнымъ стремленіемъ къ оправданію монистического взгляда на отношеніе духа и тѣла. Въ этомъ состоить очень рѣзкая черта отличія психологіи нынѣшняго столѣтія, особенно во вторую его половину, отъ прежней психологіи. Старая психологія рѣдко отклонялась отъ обычного человѣческаго взгляда на связь души съ тѣломъ: для нея они представляютъ два самостоятельныхъ источника явленій, своимъ реальнымъ взаимодѣйствіемъ образующіе нашу жизнь. Въ древности антропологической дуализмъ проповѣдуется даже открытыми материалистами. Наприм., по Демокриту, душа есть иѣкоторое особое, весьма тонкое вещество, распространенное между болѣе грубыми элементами нашего тѣла. Въ новое время дуализмъ материального тѣла и безтѣлесной души долго признается за несомнѣнную истину большинствомъ философовъ. Противоположный взглядъ высказывался въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Уже въ XVIII вѣкѣ, даже такой рѣшительный защитникъ крайняго сенсуализма, какъ Кондильякъ, считаетъ еще необходимымъ, для объясненія психической жизни, признать существование нематеріальной души. Но именно въ второй

---

*) Рефератъ, читанный въ засѣданіи Психологическаго Общества, 13 мая 1895 года.

половинѣ XVIII столѣтія стремленіе къ единству начала при объясненіи психическихъ и физическихъ явлений, начинаетъ все болѣе овладѣвать умами изслѣдователей. Монизмъ становится теоретическимъ постулатомъ, все яснѣе сознаваемымъ. Къ нему подходятъ съ двухъ концовъ: французы ищутъ объединенія физической и психической жизни на почвѣ материализма; нѣмцы обосновываютъ органическое единство природы и духа изъ принциповъ чистаго идеализма. Въ XIX столѣтіи монистическая точка зрѣнія постепенно торжествуетъ, и теперь ее нельзя не признать господствующую.

Въ современномъ монизмѣ, какъ онъ сказывается въ объясненіяхъ душевной жизни, слѣдуетъ отмѣтить еще важную особенность: она заключается въ стремлении создать „психологію безъ души“. Отрицаніе души, какъ реальной, самостоятельной субстанціи, составляетъ одно изъ наиболѣе общихъ мѣстъ психологической литературы. Нѣтъ души, какъ самобытного начала психическихъ явлений въ отличіе отъ явлений тѣлесныхъ. Дуализмъ нематеріального духа и матеріального тѣла есть гипотеза безплодная, нелогичная и противорѣчащая всѣмъ показаніямъ опыта. Внутреннее единство и нерасторжимая связь психического и физического въ насъ есть фактъ, съ каждымъ днемъ все точнѣе устанавливаемый наукою. Неужели ясными данными науки мы пожертвуемъ ради темныхъ и непонятныхъ вѣрованій? Неужели мы будемъ продолжать разсѣкать человѣка на двое наперекоръ всему, чemu научаетъ насъ его дѣйствительная природа? Нужно изгнать призракъ души и забыть о немъ,—только тогда психологія выйдетъ изъ туманной метафизической стадіи, и для нея начнется періодъ плодотворнаго научнаго развитія! Подобныя разсужденія приходится встрѣчать довольно часто.

Несостоятельность антропологическаго дуализма была рѣзко выставлена еще у нѣмецкихъ идеалистовъ, но у нихъ она являлась въ нѣсколько иномъ освѣщеніи. Центръ тяжесть ихъ міросозерцанія лежалъ въ отрицаніи самобытности

тѣлеснаго начала. Для нихъ всѣ формы дѣйствительности представляютъ акты саморазвитія единаго духа, причемъ физическая природа разсматривается лишь какъ низшая ступень духовной дѣятельности. По Шеллингу, матерія—потухшій духъ; въ глазахъ Гегеля, природа есть абсолютная идея, отпавшая отъ самой себя и черезъ это ставшая себѣ вѣнчаніемъ. Съ этой точки зрењія, первоначальная, истинная дѣйствительность,—то, что можно назвать субстанціальностью,—принадлежитъ духу; все материальное есть только его проявленіе, притомъ не отражающее его истинной природы.

Нельзя не замѣтить, что въ современномъ монизмѣ общая постановка проблемы носить противоположный характеръ. Его преобладающая тенденція направлена къ устраненію духовной самобытности, что сказывается уже въ самыхъ поискахъ за „психологіей безъ души“. Вѣдь въ самой этой формулы подразумѣвается признаніе, что души нѣть, какъ реальнаго существа. Такимъ образомъ, то, что предполагается неизбѣжнымъ свойствомъ мельчайшаго атома, считаются невозможнымъ приписать даже наиболѣе развитому духу. Атомъ есть все-таки нѣкоторый объектъ, вещь, нѣкоторая реальность, сохраняющая свое единство черезъ все разнообразіе переживаемыхъ ею явленій. Напротивъ, духъ только *явленіе*, и притомъ явленіе, находящееся въ совершенно исключительномъ положеніи между другими явленіями природы. По господствующему теперь ученію, сознаніе со всѣмъ, что его составляеть, есть только *этифеноменъ*, только сопровождающее обстоятельство тѣлесныхъ процессовъ, всесцѣло обусловленное ими по своему содержанію, но не оказывающее на нихъ самихъ никакого вліянія: это явленіе—безъ дѣйствій и послѣдствій, совсѣмъ лишенное способности быть причиной какихъ-нибудь реальныхъ событий. Получается крайне парадоксальный результатъ: паденіе малѣйшей пылинки оказывается безконечно болѣе могущественнымъ по отношенію къ миру въ его цѣломъ, нежели глубочайшія порожденія мысли или самые возвышенные подвиги нравственнаго

героизма: вѣдь паденіе пылинки вызываетъ въ окружающей средѣ неограниченный рядъ дѣйствій, хотя для насъ и не-замѣтныхъ,—напротивъ, мысль своимъ идейнымъ содержаніемъ, воля въ своихъ психическихъ мотивахъ и нравственной цѣнѣ, ничего не производятъ и не мѣняютъ въ природномъ ходѣ. Напримѣръ, „Критика чистаго разума“ Канта, представляется намъ созданіемъ его творческаго гenia и громадною работой его ума, но это только намъ *кажется*. На самомъ дѣлѣ, все, что Кантъ написалъ, было порождено внутреннимъ механизмомъ частицъ, составлявшихъ его организмъ, и только имъ однимъ. Одинъ изъ очень талантливыхъ представителей эпифеноменистического взгляда — Паульсенъ *) говоритъ: „Современный физиологъ демонстрировалъ бы намъ автора „Критики чистаго разума“, какъ своего рода часовой механизма; при такомъ-то расположениіи мозговыхъ клѣтокъ, при такой-то связи ихъ другъ съ другомъ и съ двигательными нервами, такія-то раздраженія, дѣйствующія на сѣтчатую оболочку, на осязательные нервы пальцевъ должны были причинить такія-то вотъ движения,—принципиально не иначе, чѣмъ при пищущемъ автоматѣ, или музыкальномъ ящицѣ. О мысляхъ или о чѣмъ-нибудь подобномъ при демонстраціи не было бы совсѣмъ и рѣчи. Пусть даже физиологъ знаетъ, что нѣчто такое происходитъ, но для своей демонстраціи онъ не захотѣлъ бы, да и не долженъ былъ бы пользоваться этимъ; мысли столь же мало могутъ двигать пальцами, какъ отклонять луну съ ея пути“. Подобный взглядъ можно обозначить какъ *абсолютной автоматизмъ* въ пониманіи всякой человѣческой дѣятельности.

Откуда же онъ взялся въ современной философіи? Вѣдь такое автоматическое пониманіе во всякомъ случаѣ представляетъ воззрѣніе странное, претягшее всѣмъ предположеніямъ обыкновенного здраваго смысла и практически неудобное. Чѣмъ объяснить его чрезвычайную популярность? Основанія для нея, кажется, прежде всего надо искать въ

*) „Введ. въ филос.“ Издание Моск. Псих. Общ., стр. 90.

рѣзкой перемѣнѣ отношенія между философией и наукой, сравнительно съ не очень далекимъ прошлымъ. Какихъ-нибудь шестьдесятъ лѣтъ назадъ философія хотѣла господствовать надъ наукой и предписывать ей ея законы и выводы,— ничего хорошаго изъ этого не вышло. Теперь возобладало противоположное отношеніе, переходящее, какъ это вообще очень часто бываетъ въ человѣческихъ дѣлахъ, въ другую крайность: философы болѣе всего озабочены тѣмъ, чтобы быть правовѣрнѣе самой правовѣрной науки. Они стараются пріобрѣсти снисходительное признаніе научныхъ дѣятелей, съ величайшею готовностью превращая различныя специальныя положенія механики, физики и другихъ частныхъ наукъ въ абсолютныя утвержденія умозрительной онтологіи. Одному обобщенію физики принадлежитъ въ этомъ случаѣ особенно выдающееся мѣсто: я говорю о законѣ сохраненія энергіи. Изъ этого закона вытекаетъ то важное слѣдствіе, что различныя силы и дѣйствія физической природы представляютъ лишь видоизмѣненія процессовъ матеріального движения, которые во всемъ своемъ составѣ подчиняется законамъ механики. И вотъ этотъ-то законъ былъ постепенно принятъ за исчерпывающую формулу всякой реальной причинности вообще. Такое признаніе съ неизбѣжностью повело къ самымъ рѣшительнымъ выводамъ: обыкновенный взглядъ на отношеніе психическихъ побужденій къ нашимъ поступкамъ сталъ невозможнымъ; чистый автоматизмъ всего происходящаго на свѣтѣ, замкнутость физического круга явлений, т.-е. непрерывность физического ряда дѣйствій, всегда вызываемыхъ только механическими причинами и никакими другими, во всѣхъ существахъ и тваряхъ вселенной,— обратились въ непрекаемыя истины.

Мнѣ уже не разъ приходилось настаивать *) на явной несостоительности такого необдуманного возведенія механическаго закона, который, по всему своему смыслу, не-премѣнно долженъ относиться только къ движению тѣль съ

---

*) См. напр., „Положительные задачи философіи“, ч. II, стр. 173—180.

определенными физическими свойствами, въ чинъ верховной метафизической аксиомы, и здѣсь было бы излишнимъ вновь повторять эти соображенія. Для насъ интересны послѣдствія, къ которымъ влекло такое смѣшеніе физики съ метафизикой. Совершенно понятно, что при такомъ общемъ взглядѣ на дѣйствительность является невольный соблазнъ объяснить отношеніе души и тѣла чисто материалистически. И дѣйствительно, къ материализму прямо или косвенно примыкаютъ очень многіе изъ современныхъ психологовъ. Однако, философская критика работала не даромъ въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій, чтобы можно было въ материализмѣ теперь признать послѣднее слово истины, тѣмъ болѣе для психологіи. Именно въ психологической сфере противорѣчія материализма оказываются особенно наглядными; и отъ привнесенія исключительно механическаго пониманія причинной связи эти противорѣчія не только не уменьшаются, но значительно возрастаютъ. Ахиллесова пята материализма—въ томъ, что сознаніе рѣшительно необъяснимо изъ материальныхъ условій: отъ матеріи нельзѧ перекинуть мостъ къ какимъ бы то ни было явленіямъ духа. Если реальность принадлежитъ одной матеріи и ея состояніямъ, если единственная свойства матеріи—протяженность, непроницаемость и движеніе (а въ этихъ утвержденіяхъ точка отправленія всякаго материализма), то и явленіями матеріи могутъ быть только различные виды движений протяженно-непроницаемыхъ тѣль и никакихъ другихъ явленій въ ней происходит не должно. А это значитъ, что когда возникаетъ даже самое элементарное ощущеніе, мы имѣемъ въ этомъ фактѣ, съ точки зрѣнія материализма, нѣкоторый абсолютно непостижимый абсурдъ, и такимъ абсурдомъ должна неизбѣжно представиться вся психическая сфера существованія. Какъ бытіе чисто вѣнчшее по всѣмъ своимъ свойствамъ, путемъ только вѣнчшихъ передвиженій, можетъ вдругъ стать внутреннимъ,—міромъ нашего сознанія, съ его ощущеніями и чувствами, съ его единымъ, себя знающимъ я, съ его мыслями и рѣшеніями воли? Или, взявъ

частный примѣръ: какъ простое перемѣщеніе и переталкиваніе въ себѣ *безцвѣтныхъ* атомовъ (а что атомы по себѣ безцвѣтны, признается еще со временъ Демокрита) превратится въ ощущеніе того или иного цвѣта? Вѣдь предположить такие скачки въ жизни вещества означаетъ прямо идти наперекоръ всѣмъ требованіямъ логического закона тожества. Коротко говоря, самый фактъ существованія душевныхъ явлений находится въ очевидномъ противорѣчіи съ основными посылками материалистической доктрины, — можно ли послѣ этого надѣяться въ ней найти сколько-нибудь подходящую почву для психологическихъ объясненій? *)

А къ этому присоединяется слабая сторона материализма и въ другомъ отношеніи: вѣдь все наше представлениѳ о матеріи есть несомнѣнныи продуктъ духа, притомъ полученный въ результатѣ весьма сложнаго психического процесса отвлеченій и обобщеній. Дозволительно ли, безъ дальнѣйшихъ околичностей, то, что въ этомъ процессѣ есть исходная точка и основа (элементарныя психическія состоянія), обращать въ дѣйствіе, а то, что въ немъ есть окончательный результатъ, — въ причину этого дѣйствія? Не достигнемъ ли мы этимъ путемъ лишь извращенія истинныхъ отношеній между понятіями? И не слѣдуетъ ли этого ждать тѣмъ скорѣе, что, какъ было указано сей-часъ, изъ нашего абстрактнаго понятія о веществѣ и его свойствахъ, конкретное содержаніе душевной жизни дѣйствительно логически невыводимо? При современномъ господствѣ феноменистическихъ тенденцій въ философіи, съ этимъ гносеологическимъ соображеніемъ также очень приходится считаться каждому материалисту.

Можетъ быть, еще большее значеніе имѣеть то обстоятельство, что материалистическая гипотеза въ концѣ концовъ попадаетъ въ противорѣчіе съ тѣмъ самыми закономъ, ради котораго ее нерѣдко предпочитаютъ всѣмъ другимъ

---

*) Ср. „Пол. зад. фил.“, ч. I, стр. 131 и далѣе.

взглядамъ на связь души съ тѣломъ: материалистическое возврѣніе на человѣка не мирится съ весьма существенными требованіями закона сохраненія энергіи. Законъ этотъ, утверждающій постоянное равенство суммы потенциальной и кинетической энергіи въ процессахъ природы, имѣть, какъ я уже указывалъ, строго-физической смыслъ и обнимаетъ отношеніе различныхъ формъ механической работы. Но именно поэтому возникновеніе явлений сознанія изъ материальныхъ движений представляется совсѣмъ немыслимою вещью: сознаніе не есть движение, и его внутренніе признаки далеко не совпадаютъ съ тѣмъ понятіемъ, которое мы можемъ составить о разныхъ видахъ механической работы. Самый рѣшительный материалистъ согласится, что между психическими фактами въ ихъ субъективно ощущимой природѣ и отвѣчающими имъ движеніями въ нашемъ мозгу есть извѣстная разница,—что, наприм., наша мысль о безтѣлесномъ духѣ или о бесконечности и вызывающая такую мысль движенія въ тѣхъ или иныхъ мозговыхъ центрахъ—не одно и то же. Если вѣрно, что законъ сохраненія энергіи есть окончательная формула всякой причинности, то какъ изъ движенія выйдетъ то, что не есть движение, и какъ механическая работа превратится въ нѣчто такое, чего нельзѧ опредѣлить и выразить, какъ механическую работу? Скажутъ, что психический міръ въ его субъективныхъ качествахъ есть только эпифеноменъ... Но эпифеноменъ, съ точки зрѣнія закона сохраненія энергіи, представляетъ не менѣе немыслимое понятіе: сообразно этому закону, возникновеніе каждого явленія подразумѣваетъ трату физической энергіи, и эта тата не можетъ быть ея уничтоженіемъ; энергія должна оставаться источникомъ механической работы, въ какія бы новыя формы она ни облекалась. Предположимъ ли, наоборотъ, что психическая явленія оказываются на физические процессы опредѣленное дѣйствіе? Тогда законъ сохраненія энергіи будетъ нарушенъ двояко: механическая работа будетъ и исчезать въ нѣкоторое физическое ничто (психическая состоянія), и

возникать изъ ничего. Такимъ образомъ, при всѣхъ предположеніяхъ, законъ сохраненія энергіи въ материалистической гипотезѣ является ограниченнымъ въ своемъ дѣйствіи, и мы вынуждаемся признать, рядомъ съ нимъ, причинную связь иного типа.

Къ этимъ теоретическимъ противорѣчіямъ материализма нужно прибавить невольныя нравственные затрудненія, которые возникаютъ сами собою, когда захотимъ усвоить материалистический взглядъ во всей его послѣдовательности. Поэтому намъ должна быть понятна попытка создать теорію, исправляющую материализмъ въ двухъ весьма существенныхъ пунктахъ. Эта теорія и гораздо рѣшительнѣе, и гораздо безобиднѣе; она строже проводить замкнутость нигдѣ не прерываемаго ряда физическихъ явлений, и въ то же время она не обращаетъ духа въ безсильную игрушку чуждыхъ ему силъ и сохраняетъ его самобытность. Я разумѣю такъ называемую, *параллелистическую* теорію, имѣющую столь многихъ сторонниковъ въ наше время, особенно въ Германіи. Основныя ея положенія можно изложить слѣдующимъ образомъ.

Между физическими и психическими явленіями нѣтъ отношеній причинности: явленія сознанія не суть ни дѣйствія, ни причины явленій физическихъ, и, наоборотъ, физическая явленія не могутъ ни породить чего-нибудь въ душевной сфере, ни испытать на себѣ ея вліянія. Оба ряда явленій—и физический, и психический—развиваются одновременно, но независимо другъ отъ друга и по своимъ особымъ законамъ. Оттого всякое тѣло—и живое, и мертвое—одинаково есть автоматъ, и всѣ измѣненія въ немъ вызываются механическими причинами; оттого, съ другой стороны, ни одно психическое явленіе не бываетъ слѣдствiemъ материальныхъ движеній, но всѣ психические факты порождаются другими психическими фактами. Поэтому, далѣе, душевная область не ограничивается человѣческимъ сознаніемъ и сознаніемъ животныхъ; она широко разстилается на весь міръ: нѣть ни одного психического явленія безъ

сопровождающего его движение, и не быть ни одного движения без сопровождающего его психического явления. Когда, наприм., мы слышимъ какой-нибудь звукъ, — сказать, что его причиной является сотрясение воздуха, будетъ неточнымъ и невѣрнымъ утвержденіемъ. Ощущеніе звука есть фактъ психический, а стало-быть оно не можетъ быть дѣйствиемъ движения. Но мы не находимъ для данного восприятія звука достаточныхъ основаній и въ развитіи нашего собственного сознанія: это воспріятіе приходитъ къ намъ извнѣ. Итакъ, намъ остается предположить, что дѣйствительная причина слышимыхъ нами звуковъ заключается въ тѣхъ психическихъ явленіяхъ, которыя вѣнѣ насы сопровождаются сотрясеніемъ частицъ воздуха *). Чѣмъ же объяснить постоянное сопровожденіе явленій сознанія явленіями движения при ихъ полной независимости другъ отъ друга? Соответственность духовнаго и тѣлеснаго коренится въ единству ихъ основы. Тѣло и душа различны не по существу, а только по тѣмъ точкамъ зрѣнія, съ которыхъ мы ихъ рассматриваемъ; это одна и та же вещь, но различно проявленная. Одна и та же дѣйствительность, являясь себѣ, есть духъ, являясь извнѣ другому, обнаруживаетъ себя какъ материальное тѣло. Параллелизмъ духовныхъ и тѣлесныхъ явленій можно сблизить съ предустановленною гармоніей Лейбница, съ тою, однако, разницей, что эту гармонію не слѣдуетъ представлять себѣ какъ что-то положенное извнѣ. Фехнеръ говоритъ **): „Если Лейбницъ сравниваетъ душу и тѣло съ двумя часами, которыя согласно идутъ, никогда не отклоняясь другъ отъ друга, хотя и независимо одни отъ другихъ, благодаря совершенному устройству, данному имъ Богомъ,—то мы скорѣе думаемъ, что это одни часы, которые въ своемъ ходѣ самимъ себѣ являются какъ существо духовное, опредѣляющее себя къ дѣйствію, а для посторон-

*.) См. Паульсенъ: „Введ. въ фил.“, стр. 81—93; ср. также Вундта System der Philosophie, с. 583, 584.

**) Zend-Avesta, II Th., с. 347. См. также ss. 314, 322, 340, 363.

няго наблюдателя открываютъ картину столкновенія и движенья матеріальныхъ колесъ".

Такимъ образомъ, полная независимость духовнаго и матеріального ряда явлений и ихъ непремѣнное и постоянное совпаденіе—вотъ тѣ два пункта, которыми опредѣляются внутренній смыслъ и значеніе параллелистической теоріи. Въ ней одинаково обезпечивается и неограниченное господство законовъ физики надъ всѣми явленіями реальнаго міра, и полная самостоятельность духовной области. Именно это дѣлаетъ параллелистическую теорію весьма симпатичною въ глазахъ людей самыхъ различныхъ направленій. Фехнеръ, одинъ изъ наиболѣе горячихъ ея защитниковъ, видитъ ея великое преимущество въ томъ, что она упраздняетъ противоположность спиритуализма и матеріализма, которая такъ часто кажется непримиримою. Параллелистическая теорія, съ одной стороны, матеріалистична, потому что, согласно ея утвержденіямъ, все духовное мыняется соответственно измѣненіямъ тѣлеснымъ, въ этомъ смыслѣ вполнѣ отъ нихъ зависитъ и можетъ быть разсматриваемо какъ ихъ функция. Но, съ другой стороны, она совсѣмъ спиритуалистична или идеалистична: сообразно ея предположеніямъ, ничто матеріальное не существуетъ для себя,—оно всегда есть явленіе одного духа другому и въ этомъ отношеніи можетъ быть опредѣлено какъ функция духовнаго *). Далеко не всѣ сторонники параллелизма согласятся съ такимъ превознесенiemъ духовныхъ явлений надъ тѣлесными и съ такимъ признаніемъ сравнительной первоначальности духа предъ тѣломъ; дѣйствительно, это признаніе и не совсѣмъ вяжется съ принципомъ полной взаимной независимости физической и психической областей. Во всякомъ случаѣ, однако, въ параллелистической теоріи соблазняетъ именно возможность не впадать въ какія-нибудь одностороннія толкованія.

Но указанныя преимущества параллелистической теоріи

---

*) Ibid., s. 348.

не позволяютъ все-таки закрывать глаза на ея недостатки и трудности, которыхъ подымается очень много, если внимательно подумаемъ надъ той концепцией действительности, которую она намъ внушаетъ. Главное затрудненіе, соединенное съ нею, замѣтить легко, но справиться съ нимъ—задача едва ли разрѣшимая. Въ самомъ дѣлѣ, предполагается, что даны два безконечные ряда явлений, которые совпадаютъ во всѣхъ точкахъ; когда въ одномъ рядѣ явленіе a вызываетъ явленіе b , въ тотъ же самый моментъ въ другомъ рядѣ явленіе α , отвѣчающее явленію a , вызываетъ явленіе β , отвѣчающее b ,—въ совершенной независимости другъ отъ друга, но въ непремѣнной одновременности. Какъ возможны такие ряды? Очевидно, такая непремѣнность совпаденія мыслима лишь при одномъ условіи: при полной внутренней однородности и соответственности природы звеньевъ въ обоихъ рядахъ: a должно относится къ b совершенно такъ же, какъ α къ β ; отношенія явлений предшествующихъ къ послѣдующимъ, на всемъ протяженіи рядовъ, должны быть одинаковы по своимъ свойствамъ и тенденціямъ. Именно такъ разрѣшаетъ проблему строгій метафизикъ параллелизма Спиноза. Для него душа — идея тѣла; представлениа и состоянія души—идеи отдѣльныхъ движений, происходящихъ съ нимъ и въ немъ. Другими словами, содержаніе духовнаго порядка явлений состоитъ въ идейномъ изображеніи порядка тѣлеснаго. Отсюда положеніе: „порядокъ и связь идей тѣ же, что порядокъ и связь вещей“ *), вытекаетъ съ аналитическою очевидностью.

Не трудно, однако, видѣть, въ чёмъ главный недостатокъ этого взгляда. При всей своей внутренней законченности, онъ опирается на предположеніе фактически невѣрное. Душевныя состоянія не суть *идеи* тѣлесныхъ движений, а нѣчто весьма отличное отъ такихъ идей, если только слово „идея“ употреблять въ сколько-нибудь опредѣленномъ смыслѣ. Возьмемъ чувство удовольствія или боли, возни-

*.) *Ethic.* par. II, prop. VII.

кающее въ душѣ въ соотвѣтствіе съ безразличнымъ и равнодушнымъ механическимъ процессомъ, происходящимъ въ нашемъ тѣлѣ, — что между ними общаго? И какъ отожествить боль съ дѣйствительной идеей того или иного движенія въ элементахъ нашего тѣла, которую мы можемъ мысленно построить въ результатѣ физіологического изслѣдованія надъ происхожденіемъ чувства боли? Чтобы избѣжать этого очевиднаго затрудненія, Спиноза вынужденъ очень злоупотреблять понятіемъ *смутности* идей. Качественные отличія нашихъ психическихъ состояній отъ дѣйствительнаго движенія тѣлесныхъ частей онъ объясняетъ тѣмъ, что мы не воспринимаемъ нашего тѣла въ его истинныхъ отношеніяхъ къ окружающей средѣ. Нашему сознанію даны только собственные движенія нашего тѣла, какъ уже вызванные результаты внѣшнихъ причинъ, но идеи этихъ причинъ не имѣютъ адекватнаго выраженія въ идеѣ нашего тѣла, т.-е. онѣ не попадаютъ въ наше сознаніе. Оттого наше воспріятіе своихъ тѣлесныхъ состояній далеко не отличается полнотою и отчетливостью *). Едва ли, однако, такое объясненіе можно признать удовлетворительнымъ: вѣдь все же воспринимать движеніе, неизвѣстно откуда возникшее, или воспринимать нѣчто по всему своему составу отличное отъ всякихъ представлений о движеніи, наприм., радость и горе, любовь и ненависть, остаются совсѣмъ различными вещами. Ссылаясь на смутность идей — слишкомъ легкое рѣшеніе задачи: надо было бы прежде всего объяснить эту смутность и ея своеобразную природу и своеобразные результаты въ нась.

Такимъ образомъ, дѣло стоитъ вовсе не такъ просто. Тожество физического и психического рядовъ явлений или физической и психической причинности не есть что-нибудь разумѣющеся само собою, — оно требуетъ обоснованія не только своей дѣйствительности, но, прибавлю, и своей принципіальной мыслимости. Противъ догматическаго при-

---

*.) Ibid., prop. XXIV—XXVIII.

знанія этого тожества стоитъ фактъ глубокаго различія душевныхъ и физическихъ процессовъ,—фактъ, сознаніе котораго все болѣе охватываетъ психологовъ. Сошлюсь на замѣчательную статью самого выдающагося защитника параллелистической теоріи въ наши дни В. Вундта „О психической причинности и о принципѣ психофизического параллелизма“ *). Эта статья представляетъ очень обдуманное доказательство той истины, что связь и зависимость психическихъ явлений существеннымъ образомъ отличаются отъ порядка явлений физическихъ, что психическая причинность до противоположности несходна съ причинностью природы. Въ окончательномъ результатаѣ специфическія черты психического хода въ отличие отъ природной причинности Вундтъ приводитъ къ тремъ принципамъ: 1) принципъ чистой актуальности, 2) принципъ творческаго синтеза, 3) принципъ соотносящаго анализа **).

Мнѣ кажется, что въ наиболѣе общемъ и въ то же время возможно полномъ обзорѣ особенные свойства психической сферы сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ:

1. *Качественное разнообразіе душевныхъ явлений.* Душевныя явленія въ своей совокупности не представляютъ однороднаго цѣлага, отдѣльные формы котораго образовали бы лишь разныя сочетанія качественно однородныхъ элементовъ, подобно тому, какъ въ физической сферѣ всѣ явленія объясняются изъ сочетаній матеріальныхъ частицъ и ихъ движений. Каждое явленіе души обладаетъ своимъ особымъ, индивидуальнымъ качествомъ, которое составляетъ его принадлежность, отдѣляющую его отъ всѣхъ другихъ психическихъ состояній. Ощущеній звука нельзѧ выразить въ терминахъ ощущеній свѣта и ощущеній зреѣнія нельзѧ перевести на языкъ обонянія. Какъ мы не объяснимъ слѣпопорожденному, что такое свѣтъ, такъ мы не сумѣемъ растолковать человѣку, лишенному способности различать свѣта, чѣмъ

---

*) Philosophische Studien, 1894, 10 B., 1 H., S. 1—124.

**) Ibid. S. 100.

Вопросы Философіи, кн. 28.

желтое отличается отъ краснаго. Точно также ощущенія специфически отличаются отъ представленій, идеи отъ актовъ воли, чувства отъ мыслей; въ свою очередь, каждое чувство въ своей особой субъективной окраскѣ имѣть индивидуальную физіономію, которая отдѣляетъ его отъ всѣхъ другихъ чувствъ. Мы можемъ эмпирически прослѣдить послѣдовательное возникновеніе въ настъ различныхъ психическихъ продуктовъ, но мы не въ состояніи геометрически построить этой послѣдовательности изъ какихъ-нибудь однородныхъ простыхъ единицъ. Такихъ единицъ нѣтъ въ жизни сознанія, и поэтому всѣ усилия отыскать ихъ были и будутъ неудачными.

2. *Теоретический характеръ психической причинности.* Это свойство вытекаетъ изъ первого. Какъ я уже указывалъ однажды *), причинная связь подразумѣваетъ отношенія двоякаго рода: „во-первыхъ, явленіе послѣдующее можетъ слагаться изъ тѣхъ же элементовъ, какъ и явленіе предшествующее, и отличаться отъ него только нѣкоторымъ перераспределѣніемъ ихъ, необходимость котораго однако была уже сполнна заложена въ предшествующихъ отношеніяхъ между этими элементами. Такъ бываетъ, напримѣръ, когда въ материальной средѣ одна форма движения съ математическою неизбѣжностью смѣняетъ собою другую“. Такое отношение явленій есть *механическая* причинность. „Во-вторыхъ, послѣдующее состояніе можетъ и не быть логически неизбѣжнымъ продолженiemъ состоянія предшествующаго, но выражать нѣкоторое *новое*, качественно различное отъ прежнихъ, раскрытие потенцій внутренней силы, лежащей въ основѣ данной чреды явленій“. Такая причинность есть *теоретическая*. Само собою очевидно, къ какому изъ этихъ двухъ типовъ причинной связи должна принадлежать послѣдовательность психическихъ феноменовъ: вопросъ решается тѣмъ фактомъ, что каждое психическое явленіе имѣть свою качественную индивидуальность и въ этомъ отно-

---

*) „*Полож. зад. фил.*“, ч. II, стр. 221—222.

шениј всегда представляет нѣчто новое, сравнительно съ тѣмъ, что было въ душѣ раньше. Съ этой точки зрења, душевная жизнь есть непрерывный рядъ новыхъ пріобрѣтений. Когда она просыпается впервые, сознаніе начинаетъ наполняться ощущеніями, которыя раньше не существовали, потому что не было самой душевной жизни, часть которой они составляютъ.

Ощущенія, умножаясь, вызываютъ въ душѣ другіе, болѣе сложные процессы, и постепенно, рядомъ съ міромъ чувственныхъ ощущеній и элементарныхъ эмоцій, вырастаетъ новый, качественно различный отъ него міръ высшихъ чувствъ абстрактныхъ понятій, рѣшеній сознательной воли. Подъ творческимъ характеромъ психической причинности я только и разумѣю это постоянно свойственное душевной жизни стремленіе порождать качественно новыя явленія. Именно эту особенность психической области имѣетъ въ виду Вундтъ, когда говоритъ о „творческомъ синтезѣ“ *).

3. *Направляющее воздействие субъективной оценки на течение психическихъ процессовъ.* Въ противоположность безразличной инерціи физическихъ тѣлъ, которая одинаково стремится пребывать во всякомъ разъ возникшемъ состояніи движения или покоя, въ духовной сфере каждое состояніе вызываетъ или положительное или отрицательное отношеніе нашей психической индивидуальности, стремленіе его или удержать и усилить, или удалить и ослабить. Этотъ общий фактъ нашего избирающаго вліянія на ходъ душевныхъ событий одинаково наблюдается на всѣхъ ступеняхъ душевной жизни, начиная отъ побужденій, исходящихъ изъ чувственныхъ удовольствій и страданій, и кончая сложнѣйшими эмоціями и высшими проявленіями воли въ теоретическихъ и практическихъ дѣйствіяхъ. Оценка движетъ всѣми нашими актами, и внѣшними, и чисто внутренними, хотя ее могутъ диктовать самые разнообразные принципы: наши предпочтенія могутъ опредѣляться и эгоистич-

---

*) Ueber psych. Causalitt etc., S. 112.

ческимъ интересомъ, и внушеніями нравственнаго или эстетического чувства, и стремленіемъ къ достовѣрному знанію.

4. Сейчасъ разсмотрѣнное свойство душевныхъ процессовъ ведеть за собою ихъ дальнѣйшій признакъ: *телеология*—*истинность психическихъ актовъ*. всякая душевная дѣятельность опредѣляется какимъ-нибудь интересомъ,—это значитъ, всякая душевная дѣятельность руководствуется какою-нибудь цѣлью. Чувственное наслажденіе и страданіе влекутъ къ дѣйствіямъ, задача которыхъ—въ животномъ самосохраненіи и самоудовлетвореніи данной индивидуальности. Различными эмоціями нравственнаго порядка направляется наше отношеніе къ себѣ и другимъ, порождая себялюбіе и благожелательность, душевную чистоту и порочность. Различіемъ истиннаго и ложнаго, логически сообразнаго и не лѣпаго—опредѣляется нашъ выборъ между идеями и сочетаніе ихъ въ сужденія и умозаключенія и т. д. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ преслѣдуется извѣстная цѣль, въ чемъ бы она въ частности ни полагалась: въ физическомъ благоденствіи, въ торжествѣ личныхъ страстей, въ общемъ благѣ, въ теоретической истинѣ или въ высшей нравственной правдѣ. Цѣли могутъ сознаваться ясно или смутно, вполнѣ пониматься или неопределенно чувствовать; однако, и человѣкъ, и животное, когда они о чёмъ-нибудь стараются и за что-нибудь борются, такъ или иначе представляютъ себѣ, чего они хотятъ.

Таковы признаки, которыми психическая причинность противопоставляется причинности природной или физической. Въ самомъ дѣлѣ, этихъ признаковъ въ природной причинности нѣть, за то въ ней наблюдаются свойства прямо противоположныя. Вместо качественного разнообразія, мы въ ней имѣемъ *качественную однородность* явлений: явленія физической природы представляютъ собою движение по существу однородныхъ атомовъ. Вместо причинности творческой, въ послѣдовательности явлений природы мы находимъ причинность *механическую*,—по крайней мѣрѣ,

въ сведеніи къ ней всѣхъ причинныхъ отношеній заключается всѣми признанный идеалъ физической науки. Вмѣсто направляющихъ воздействиій интереса и оцѣнки, въ физической природѣ мы имѣемъ *неограниченное господство закона инерции*. Наконецъ, вмѣсто подчиненія цѣлямъ, *механические процессы природы не знаютъ никакихъ цѣлей*. Въ самомъ дѣлѣ, говорить о цѣляхъ въ механическомъ процессѣ, взятомъ самомъ по себѣ, явно не имѣть никакого смысла. Если мы утверждаемъ существование нѣкоторыхъ окончательныхъ цѣлей для механическихъ дѣйствій природы, мы неизбѣжно предполагаемъ нѣчто высшее природы; мы начинаемъ ссыльаться на Божественный разумъ, на душу міра, на воплощающуюся въ природѣ идею, т.-е. вносимъ психологический моментъ въ первоначальный источникъ міровой жизни.

И, наоборотъ, то, что въ частности составляетъ положительное содержаніе физической причинности, въ причинности психической, очевидно, отсутствуетъ. Вундтъ, въ упомянутой выше статьѣ, вѣрно указалъ на важную особенность природной причинности, — на возможность выражать ее въ уравненіяхъ, которыя онъ такъ и называетъ *причинными уравненіями* (*Causalgleichung*). Въ этихъ уравненіяхъ мы имѣемъ дѣло съ понятіями массы, скорости, силы, разстоянія и т. п. Но онъ же показываетъ, что такихъ уравнений въ психологической сфере построить невозможно, а понятія массы, скорости, разстоянія явно не имѣютъ примѣненія къ психическимъ фактамъ.

Въ виду всего этого, какой общий видъ получаетъ параллелистическая доктрина? Мы имѣемъ два замкнутыхъ въ себѣ, никогда другъ друга не задѣвающихъ и другъ въ друга не переходящихъ, безконечныхъ круга явленій. Явленія того и другаго по существу различны, — начиная хотя бы съ того, что физическія явленія совершаются въ пространствѣ, а душевныя явленія, по общему признанію психологовъ, непротяженны. Съ другой стороны, явленія каждого круга связаны между собою по своимъ особымъ законамъ и правиламъ, не только не одинаковымъ, но даже противо-

положнымъ. Почему же эти круги совпадаютъ во всѣхъ точкахъ, и могутъ ли они совпадать? Я уже неоднократно высказывалъ мысль, что въ доказательствѣ этой гипотезы мы имѣемъ своего рода квадратуру круга современной философіи. Въ самомъ дѣлѣ, разсмотримъ условія задачи: связи между физическими и психическими явленіями нѣтъ никакой, нѣтъ и никакого внутренняго соотвѣтствія между ними. Законы, ими управляющіе, не представляютъ ничего общаго. И тѣмъ не менѣе, каждому данному психическому явленію всегда соотвѣтствуетъ опредѣленное физическое, которое вытекаетъ изъ своего предшествующаго, какъ психическое изъ своего, по своему особому закону, причемъ этотъ законъ не имѣетъ никакого подобія съ мотивами, опредѣляющими возникновеніе психического факта изъ психическихъ причинъ,—и все-таки необходимость возникнуть и для психического, и для физического явленія совершенно одинакова. И это непрерывно повторяется во всѣхъ точкахъ вселенной. Бездѣ порядокъ психической развивается такъ, какъ будто совсѣмъ нѣтъ физического, физической порядокъ развивается, какъ будто вовсе нѣтъ психического, и тѣмъ не менѣе они, употребляя сравненіе Фехнера, выражаютъ одно и то же содержаніе только разнымъ языкомъ. Почему это непремѣнно такъ? Сошлемся ли мы на тотъ неизвѣстный X, который одинаково лежитъ въ основѣ и психического, и физического ряда и заставляетъ ихъ, такъ сказать, идти ровнымъ шагомъ? Но вѣдь этотъ X для того только и допускается, чтобы онъ ни во что не вмѣшивался. Вся его роль въ томъ, что онъ, съ одной стороны, всецѣло воплощается въ физическомъ рядѣ, такъ что въ этомъ отношеніи всякия другія воображаемыя свойства его не имѣютъ никакого значенія,—съ другой стороны, онъ весь обращается въ психической рядѣ, также нигдѣ не прерванный, т.-е. весь его смыслъ въ томъ, что онъ реализуется въ двухъ замкнутыхъ кругахъ, не дозволяющихъ никакого посторонняго воздействиія ни другъ отъ друга, ни отъ какихъ-нибудь иныхъ манифестаций этого верховнаго X.

Между темъ, вопросъ остается во всей своей значительности: физической и психической ряды явленийничемъ реально не привязаны другъ къ другу,—следовательно, между ними существуетъ только *внѣшнее совпаденіе*; откуда же оно берется? Когда рѣчь идетъ о человѣческихъ дѣйствіяхъ, тогда еще можно ссыльаться на сложность человѣческой организаціи. Такъ, Паульсенъ говоритъ *): „что въ мозгѣ могутъ происходить безконечно болѣе сложные отправленія, чѣмъ тѣ, которыхъ мы можемъ достичь нашими машинами, это не поразительно. Съ помощью пятисотъ или тысячи миллионовъ клѣтокъ нашей мозговой коры, сложенныхъ въ свою очередь изъ безчисленныхъ, безконечно сложныхъ и разнообразныхъ молекулъ и соединенныхъ между собою безчисленными проводящими путями, можно вѣдь совершить нечто совершенно иное, чѣмъ при помощи пары колесъ и рычаговъ нашихъ машинъ; и если въ дѣйствительности наши физіологи почти совсѣмъ еще не могутъ сдѣлать изъ этого что-нибудь, то для фантазіи все же открывается тутъ обширное поле дѣйствія“. Правда, и этотъ аргументъ едва ли можно считать сильнымъ: вѣдь вопросъ вовсе не въ сложности дѣйствій, а въ ихъ полной соотвѣтственности тенденціямъ психического бытія и, прежде всего, въ ихъ цѣлесообразности. Какъ я уже старался подробнѣ показать въ статьѣ „Новый психофизиологический законъ г. Введенского“, именно всеохватывающая, широкая и разнообразнаяteleologичность актовъ служить для насъ непрекаемымъ признакомъ дѣятельности, порожденной психическими причинами **). Сложность есть

*) «Введ. въ фил.», стр. 91.

**) Въ этой статьѣ («Вопросы Фил. и Псих.», кн. 19, стр. 73—74) общий принципъ телологической аргументаціи формулированъ такъ: „Когда мы видимъ постоянное, сложное и многостороннее совпаденіе, полное идеального смысла, такихъ процессовъ, которые по своей природѣ къ этому смыслу (а стало-быть, и къ непремѣнному совпаденію) вовсе не стремятся и въ немъ не заинтересованы, — оно представляется намъ безусловно *неопровергнутымъ* (и въ тѣсномъ, и въ широкомъ значеніи этого слова) безъ направляющей дѣятельности *кѣжей* въ себѣ разумной силы.

понятіе относительное; рѣшительно всякий продуктъ природы окажется безконечно сложнымъ, если будемъ имѣть въ виду его послѣдніе элементы и ихъ разнообразныя отношенія. И все же въ способѣ дѣйствія наблюдаваемыхъ нами вещей мы очень часто не находимъ никакихъ слѣдовъ намѣренія или мысли. Напротивъ, каждое одушевленное существо, въ совокупности своихъ дѣйствій, обнаруживаетъ неограниченно разнообразный рядъ приспособленій себя къ окружающей средѣ въ интересахъ своего индивидуального и родового существованія. И мы наѣрное знаемъ, что еслибы мы измѣнили эту среду въ ея отношеніи къ его интересамъ, измѣнилась бы и вся послѣдовательность его дѣйствій, не теряя однако основного характера цѣлесообразности, и такъ продолжалось бы до тѣхъ поръ, пока это существо сохраняло бы свою жизнь и чувствительность, сколько бы мы ни повторяли опытъ. Разъ мы наблюдаемъ неограниченное разнообразіе дѣйствій, физически весьма различныхъ, но неизмѣнно объединенныхъ принципомъ цѣлесообразности, какъ нѣкоторымъ внутреннимъ опредѣляющимъ закономъ, причемъ измѣнчивость въ дѣйствіяхъ прямо пропорціональна ихъ отношенію къ интересамъ существа, которому эти дѣйстія принадлежатъ,— мы въ такомъ существѣ подозрѣваемъ душу. И мы дѣлаемъ это тѣмъ увѣреннѣе, чѣмъ разнообразнѣе дѣйствія и чѣмъ яснѣе воплощается въ нихъ тенденція къ опредѣленной цѣли или многимъ цѣлямъ, идеально связаннымъ между собою. Причина этого ясна:teleологичность есть неотмѣнное внутреннее свойство психического, но она есть только случайность для механическаго хода вещей. Между тѣмъ случайность тѣмъ загадочнѣе, тѣмъ непонятнѣе, тѣмъ невыносимѣе для мысли, чѣмъ чаще, разнообразнѣе и постояннѣе она повторяется. Но если возьмемъ дѣятельность всѣхъ одушевленныхъ тварей, отъ инфузоріи до человѣка, если къ ихъ реальнымъ дѣйствіямъ прибавимъ то, что они наѣрное могли бы совершить, еслибъ ихъ обстановка въ каждый моментъ ихъ существованія была бы не тою, какая бы-

ла въ дѣйствительности, то мы получимъ случайность въ безконечной степени, т.-е. нѣчто по существу безусловно абсурдное. Какой автоматический механизмъ или какіе механизмы надо придумать, чтобы этотъ абсурдъ сдѣлать возможную и вѣроятную вещью? Во всякомъ случаѣ, границы человѣческой фантазіи для этой задачи, несомнѣнно, окажутся слишкомъ тѣсными. Вѣдь никто и никогда еще не могъ—не говорю уже построить, но даже только отвлечено и схематически сочинить при самыхъ фантастическихъ предположеніяхъ относительно совершенства возможной техники, — такой механизмъ, который, наприм., былъ бы способенъ, съ осмысленностью заурядного человѣческаго ума, вести бесѣду о всякомъ вопросѣ, какой мы сами ему поставимъ. Вѣроятно, даже всякая попытка выдумать что-нибудь подобное представится каждому крайне нелѣпою. Почему же то, что совершенно недоступно для человѣческаго остроумія, представляется намъ легкимъ для игры слѣпыхъ силь природы? Въ самомъ дѣлѣ, мы мало замѣчаемъ, что, даже допустивъ существованіе такихъ гипотетическихъ механизмовъ, для построения которыхъ наши физиологи „почти совсѣмъ еще не могутъ сдѣлать что-нибудь“, — механизмы настолько тонкихъ, что они дѣйствительно способны сполна объяснить безконечную цѣлесообразность дѣйствій у людей и животныхъ, мы въ сущности не рѣшили бы вопроса, а только его отодвинули бы и переставили. Передъ нами totчасъ же всплыла бы проблема: какъ могли возникнуть такие безконечно утонченные и безконечно остроумные механизмы изъ чисто механическихъ процессовъ природы? Если мы вдумаемся въ эту проблему, мы поймемъ, что она никакъ не легче и не проще той, какую мы предположили уже разрѣшенной. Мы едва ли найдемъ настоящее оружіе противъ невольного недоумѣнія: почему механизмы столь хрупкіе, что они для своего сохраненія постоянно нуждаются въ безчисленныхъ рядахъ дѣйствій цѣлесообразныхъ,—стало-быть, находящихся въ явномъ разногласіи съ основными тенденціями механической причин-

ности,—могутъ не только образоваться, но и удержаться въ борьбѣ за существованіе рядомъ съ такими формами, которые по своимъ свойствамъ и дѣйствіямъ гораздо болѣе отвѣчаютъ внутренней природѣ механическихъ началь?

Однако, эти соображенія, имѣющія несомнѣнную силу противъ материалистическихъ сторонниковъ всеобщаго автоматизма, оказываются почти излишними по отношенію къ строгимъ защитникамъ параллелистической теоріи. Этимъ послѣднимъ едва ли дозволительно много говорить объ утонченности въ устройствѣ тѣла человѣка и животныхъ для объясненія совпаденія между физическою и психическою причинностью. Вѣдь для нихъ это совпаденіе имѣть мѣсто не только въ человѣческихъ и животныхъ тѣлахъ, оно совершается вездѣ, на всемъ протяженіи вселенной, по поводу каждого самаго элементарнаго движенія малѣйшаго атома. При такомъ взглядѣ уже не приходится настаивать на особыхъ механическихъ условіяхъ, благопріятствующихъ совпаденію. Совпаденіе оказывается универсальнымъ фактомъ, и если оно—только совпаденіе и ничего больше, и если при этомъ оно предполагается между элементами, по существу различными и развивающимися по разнымъ законамъ, то оно представляетъ логическую несообразность, не допускающую никакого дальнѣйшаго оправданія и обоснованія. Не будемъ отѣльываться общими предвзятыми утвержденіями: взглянемъ прямо на всѣ трудности проблемы, и мы почувствуемъ себя въ самомъ беспомощномъ положеніи. Всѣмъ движеніямъ тѣлъ—большихъ и малыхъ, небесныхъ и земныхъ, всѣмъ ихъ сочетаніямъ и раздѣленіямъ, всѣмъ процессамъ природы, и въ ихъ цѣломъ, и въ ихъ мельчайшихъ частностяхъ,—должны соотвѣтствовать психическая явленія... какія?—у насъ обѣ этомъ нѣть даже никакого подобія идеи. Эти явленія ни къ тѣламъ, ни къ ихъ движеніямъничѣмъ не привязаны, они зависятъ только другъ отъ друга; у нихъ къ физическому миру нѣть никакого реальнаго отношенія,—и все же они отражаютъ его въ себѣ и какъ-то проходятъ съ нимъ одинъ путь развитія. *Что тутъ мыслить*

и какъ мыслить? *) Возьмемъ простой примѣръ: солнце посыпаетъ лучъ, этотъ лучъ дѣйствуетъ на нашъ зрительный нервъ, зрительный нервъ передаетъ впечатлѣніе мозговымъ центрамъ, и въ насъ возникаетъ свѣтовое ощущеніе. Для параллелистической теоріи не солнце, и не лучъ, и не процессъ въ зрительномъ нервѣ порождаютъ восприятіе свѣта, а тѣ независимые психические акты, которые соотвѣтствуютъ и процессу посланія луча солнцемъ, и прохожденію луча черезъ огромную эаирную среду между солнцемъ и землею, и раздраженію зрительного нерва. Какие это акты и по какимъ законамъ они развиваются и слѣдуютъ другъ за другомъ? Чьи наконецъ это акты? Когда при объясненіи даже нашей собственной душевной жизни мы вынуждены прибѣгать къ предположенію духовныхъ процессовъ, лежащихъ за порогомъ сознанія, мы бываемъ въ немаломъ затрудненіи, по какимъ аналогіямъ вообразить себѣ эти процессы. Какъ безконечно труднѣ задача подставить вполнѣ исчерпывающій психической коррелатъ для всего, что когда-нибудь совершилось и совершается на свѣтѣ!

Въ самомъ дѣлѣ, не нужно забывать, что дѣло идетъ о коррелатѣ, совсѣмъ исчерпывающемъ: каждому звену физического ряда въ частности слѣдуетъ отыскать его частное психическое соотвѣтствіе. И вотъ тутъ надо имѣть въ виду еще одну особенность физической причинности: она, если можно такъ выразиться, носить гораздо болѣе *субстанциальный* характеръ, нежели психическая причинность. Въ каждомъ физическомъ процессѣ намъ бываютъ даны предметы, тѣла, массы—въ ихъ измѣняющихся отношеніяхъ. Другими словами, въ явленіяхъ физической природы мы всегда имѣемъ нѣкоторый субстратъ, въ которомъ происходятъ

---

*) Защитники параллелизма обыкновенно вовсе уклоняются отъ всякихъ положительныхъ объясненій относительно внутренняго содержанія и состава психическихъ явленій, отвѣчающихъ физическимъ процессамъ природы въ ея цѣломъ. Выходя за предѣлы человѣческаго и животнаго сознанія, они тогдѣ же подставляютъ, вмѣсто психическаго, физический рядъ фактовъ, на основаніи заранѣе признаннаго тождества между этими рядами. Едва ли нужно говорить, какой очевидный логическій кругъ представляетъ такая замѣна.

различныхъ движенийъ и перемѣщенія частей, но который самъ по своему существу остается однимъ и тѣмъ же, постояннымъ и неизмѣннымъ. Этотъ субстратъ мы называемъ веществомъ. Послѣдніе элементы вещества, атомы, могутъ безъ натяжки быть названы субстанціальными единицами матеріальной дѣйствительности. И эти единицы присутствуютъ въ каждомъ явленіи физической природы, — они составляютъ эти явленія своими движениями и перемѣщеніями. Можно поэтому сказать, что въ физическомъ мірѣ состоянія неотдѣлимы отъ субстанцій и образуются ими: каждое явленіе вѣнчайшей природы есть движение *матеріи*, и, наоборотъ, не будь совсѣмъ тѣлъ, не было бы и движений, т. е. никакихъ матеріальныхъ состояній.

Между тѣмъ, для психической сферы субстанціальность отрицается самымъ рѣшительнымъ образомъ. Параллелистическая теорія отчасти для того только и изобрѣтена, чтобы совсѣмъ уничтожить послѣдній призракъ душевной субстанціи. Душевное явленіе есть чистое *состояніе*, чистый актъ или чистое *событие* безъ всякаго субстанціального состава и безъ всякаго отношенія къ какимъ-нибудь постояннымъ объектамъ, ихъ переживающимъ. Это свойство душевныхъ явленій Вундтъ называетъ ихъ чистою *актуальностью* *). То, что мы называемъ психическимъ индивидуумомъ или душою есть только совокупность душевныхъ явленій, отнесенныхъ другъ къ другу **). Съ этой точки зрѣнія, коренная пропасть между физическимъ и психическимъ заключается прежде всего въ томъ, что въ физической области *субстанція* и *явленіе* суть понятія соотносительныя, одно безъ другого невозможныя; напротивъ, въ области душевной мы находимъ только одни *абсолютныя явленія*, безъ всякой дѣйствительной подкладки, если не считать такою подкладкою ихъ же самихъ!

Но явленіе есть нечто во времени возникающее и во

*) Ueber psych. Causal. etc., s. 101.

**) Ibid. s. 102. Сравн. Паульсенъ. Введ. въ фил., стр. 133, 366.

времени протекающее. Въ своемъ развитіи явленія постоянно измѣняются, слагаясь изъ рядовъ все новыхъ состояній. Посмотримъ же, до чего затрудняется, при такомъ взглядѣ на душевную жизнь, проблема параллелизма, и безъ того неразрѣшимо трудная. Одну и ту же дѣйствительность мы должны сполна построить въ двухъ видахъ: одинъ разъ—изъ абсолютно неизмѣнныхъ субстанціональныхъ единицъ, другой разъ—изъ чистыхъ состояній, которыя не переживаются никѣмъ и которыя ни на одно мгновеніе не сохраняютъ дѣйствительной неизмѣнности. Какъ же изъ столь разнородныхъ матеріаловъ можетъ выйти одно и то же? Вернемся къ прежнему примѣру воспринимаемаго луча свѣта. Съ одной стороны, мы будемъ имѣть движенія на солнцѣ, движенія въ эаирѣ, движенія въ зрительномъ нервѣ; съ другой—мы имѣемъ какія-то неудержимо несущіяся состоянія, которыя не принадлежатъ ни солнцу, ни частичкамъ эаира, ни зритальному нерву, поскольку эти послѣдніе суть опредѣленные объекты,—состоянія, которыя въ самомъ строгомъ смыслѣ слова не принадлежатъ *ничему*.

Впрочемъ, по моему глубокому убѣждѣнію, такое признаніе душевной жизни за *абсолютное явленіе* есть величайшая философская крайность, служащая однимъ изъ самыхъ рельефныхъ примѣровъ той двойной бухгалтеріи, съ которой мы, еще со временъ Канта, привыкли относиться къ внешнему опыту, съ одной стороны, и къ внутреннему, съ другой. Какъ я уже неоднократно старался показать *), и какъ, быть можетъ, мнѣ удастся показать еще болѣе подробно въ одномъ изъ моихъ ближайшихъ сообщеній, изгнаніе изъ душевной жизни всякаго субстанціального элемента влечетъ къ неисправимымъ психологическимъ противорѣчіямъ и дѣлаетъ невозможнымъ даже простое описание психическихъ фактовъ въ ихъ дѣйствительномъ составѣ. Поэтому я совершенно понялъ бы, еслибы сторонники параллелизма въ своихъ же интересахъ пошли на нѣкоторыя

*) См. наприм. «Полож. зад. фил.», ч. II, стр. 219, 296—310. Также «Подвижныя ассоціаціи представлений». («Вопр. фил. и псих.», кн. 19) стр. 33—35.

уступки и не пожелали бы неблагоразумно расширять и безъ того глубокую пропасть между физическимъ и психическимъ міромъ. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, что чрезъ допущеніе субстанціальныхъ субъектовъ психическихъ явлений мы могли бы до нѣкоторой степени приблизиться (конечно, совершенно гипотетически) къ пониманію неизбѣжности совпаденія физического и психического ряда явлений, по крайней мѣрѣ, для значительной части природы. Допустимъ, наприм., что физический атомъ только въ своемъ дѣйствіи на другіе атомы является чѣмъ-то тѣлеснымъ, что самъ въ себѣ, въ своемъ внутреннемъ бытіи, онъ есть живая монада, психический центръ, испытывающій нѣкотораяrudimentарная душевная состоянія. Предположимъ далѣе, что этиrudimentарная состоянія ограничиваются тѣмъ, что онъ имѣеть нѣкоторое очень смутное самочувствіе своего положенія, а всѣ его стремленія направлены исключительно на то, чтобы имѣть свое особое мѣсто въ общей системѣ дѣйствительности, во-первыхъ, и непрерывно пребывать въ каждомъ изъ возникшихъ въ немъ внутреннихъ состояній, во-вторыхъ. Мнѣ представляется, что, развивая эту гипотетическую картину, мы подошли бы довольно близко къ тому, что извнѣ должно изображаться, какъ непроницаемый, инертный атомъ. Для такихъ монадъ чисто механическій способъ дѣйствія былъ бы не только физическою, но и психологическою необходимостью. И при этомъ нельзя не согласиться, что, хотя мы не можемъ себѣ детально вообразить такую элементарную душевную жизнь монады-атома, мы все же можемъ приблизительно, по нѣкоторымъ аналогіямъ, понять, въ чемъ должно заключаться ея общее содержаніе.

Однако, не трудно замѣтить, что и эти допущенія никакъ не спасутъ параллелистической теоріи въ ея цѣломъ. Ихъ можно, пожалуй, считать удовлетворительными для обоснованія совпаденія между механическимъ ходомъ вещей и тою совсѣмъ гипотетическою душевною жизнью, которую мы придумали для атомовъ. Но изъ нихъ ровно ничего не вы-

текаетъ для объясненія соотвѣтствія физическихъ дѣйствій съ тою единственно несомнѣнною психическою жизнью, которую мы наблюдаемъ въ себѣ и въ существахъ намъ подобныхъ. Слишкомъ ясно, что соотвѣтственность физического и психического ряда въ сейчасъ изложенной гипотезѣ была достигнута, только благодаря крайнему упрощенію предполагаемаго душевнаго содержанія атомовъ. Тамъ же, гдѣ мотивы психического существованія отличаются большою сложностью и развитіемъ, непремѣнное совпаденіе материальныхъ и душевныхъ событий вовсе уже не будетъ понятно само по себѣ; наоборотъ, всѣ возраженія, приведенные недавно противъ обыкновенныхъ представлений о чистомъ автоматизмѣ дѣйствій человѣка и животныхъ, сохранять полную силу и при этой гипотезѣ. Точно такжеrudиментарная одушевленность атомовъ едва ли лучше объяснитъ первое возникновеніе нашихъ человѣческихъ душевныхъ состояній, чѣмъ предположенія самаго грубаго материализма: отъ темныхъ побужденій атомовъ, всегда остающихся чисто субъективнымъ состояніемъ каждого изъ нихъ, скачокъ къ разнообразію внутренне единой жизни нашего сознанія такъ же труденъ, какъ и отъ простаго суммированія ихъ внѣшнихъ движеній.

Есть въ изложенной гипотезѣ и другой недостатокъ, можетъ быть, не менѣе важный. Она дѣлаетъ излишнимъ толькъ самый параллелизмъ, для оправданія котораго мы ее придумали. Вместо двухъ абсолютно независимыхъ рядовъ явлений, она скорѣе побуждаетъ признать всего одинъ, въ который и физические, и психические факты входятъ какъ равноправныя звенья. Станемъ, въ самомъ дѣлѣ, на точку зренія каждого атомнаго сознанія или самочувствія: мы получимъ, что измѣненія психическихъ состояній вызываются въ атомѣ не по внутреннимъ побужденіямъ,—какъ мы условились, внутренно онъ всегда стремится неопределенно долго пребывать въ томъ состояніи, которое въ немъ уже возникло раньше,—они могутъ быть результатомъ только измѣненія его внѣшнихъ отношеній, наприм., его столкновенія съ другимъ ато-

момъ. И съ другой стороны, если мы допустимъ, что атомъ самъ въ себѣ есть психіческій центръ, а его тѣлесное бытіе есть только выраженіе его дѣйствій на другіе центры,— не будемъ ли мы вынуждены признать, что происходящія съ нимъ внѣшнія перемѣны (наприм., переходъ отъ покоя къ движению и обратно) являются воплощеніемъ его психическихъ измѣненій, т.-е. ихъ прямымъ слѣдствіемъ? А тогда какое можно указать основаніе для того, чтобы непремѣнно двоить причинный рядъ? И не исказимъ ли мы собственной гипотезы до полной непонятности, если начнемъ искать въ чредѣ психическихъ состояній каждого атома двойниковъ и для того, что завѣдомо лежитъ за его предѣлами (наприм., для движенія къ нему сосѣднихъ атомовъ), и, стало быть, никакъ не принадлежитъ къ числу его внутреннихъ состояній?

По этому поводу нельзя не сдѣлать слѣдующаго общаго замѣчанія: если даже будемъ игнорировать всѣ другіе изыянья параллелистической теоріи, тотъ самый фактъ, что она двоитъ причинную связь вещей на два совсѣмъ независимые ряда, навсегда останется источникомъ очень важныхъ недоумѣній. Вѣдь если эти ряды дѣйствительно независимы и не оказываютъ другъ на друга никакого влиянія, если, съ другой стороны, нашему сознанію открыть только рядъ *психическій* (очевидно, намъ только то доступно, что облеклось въ форму ощущеній, представленій, идей, чувствъ и т. д.), то на какомъ основаніи должны мы принять реальность второго, *физического* ряда? Вѣдь если мы признаемъ что-нибудь въ насъ, то только потому, что оно какъ-нибудь обосновываетъ и объясняетъ происходящее въ насъ, т.-е. связано съ переживаемымъ нами какою-нибудь дѣйствительною связью; а здѣсь заранѣе признается, что физическое на психическое не имѣть никакого дѣйствія. Не попадаетъ ли параллелистическая теорія въ то самое положеніе, въ какомъ оказался Мальбраншъ предъ лицомъ философіи Берклея? Мальбраншъ горячо настаивалъ, что никакая матеріальная субстанція не можетъ произвести

впечатлѣнія на духъ, и во имя этого утверждалъ, что все содержаніе душевной жизни почерпается прямо и непосредственно изъ Божества; но это не мѣшало ему, какъ истому картезіанцу, не только признавать существованіе материальнаго міра, но и тщательно опредѣлять, въ чемъ состоить его истинная сущность. Но вотъ явился Берклей и, отправляясь отъ того же убѣжденія въ невозможности для тѣлеснаго воздействиѳа на духовное, рѣшительно провозгласилъ, что никакой тѣлесной природы нѣтъ; существуетъ только Богъ и духи конечные, въ которыхъ Богъ вызываетъ идеи материальныхъ предметовъ; но эти предметы имѣютъ реальность только въ качествѣ идей духа: вещественный міръ—только общая галлюцинація духовныхъ сознаній. Что могъ Мальбраншъ возразить противъ такого заключенія?

Мнѣ, конечно, на это отвѣтять: сторонники параллелизма, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, вовсе и не думаютъ приписывать психическому и физическому ряду явлений, каждому въ отдельности, какую-то абсолютную, метафизическую реальность. Они очень хорошо знаютъ, что и физическая явленія, поскольку они составляютъ достоянія нашего опыта, суть явленія психическія—въ широкомъ значеніи слова. Они только думаютъ, что общіе принципы механической причинности даютъ полное и исчерпывающее объясненіе для всего, что является предметомъ внѣшняго опыта, следовательно, для всѣхъ вещей и существъ, которыя мы можемъ наблюдать извнѣ. А поэтому ониувѣрены, что психологическая точка зрењія на наблюдаемыя события не можетъ находиться въ противорѣчіи съ механическою, и психическая причинность должна совпадать съ физическою: иначе сказать, законы механики представляютъ вполнѣ удовлетворительный символъ всякихъ причинныхъ связей въ реальномъ мірѣ. При такомъ толкованіи параллелистическая теорія есть воззрѣніе не метафизическое, а скорѣе методологическое.

Однако, такое приниженіе философіи параллелизма до про-

стого методологического приема, которое иногда практикуется, едва ли дасть ей болѣе прочное положеніе. Вѣдь во всякомъ случаѣ вѣра въ непремѣнное совпаденіе механическихъ объясненій съ психологическими для всѣхъ сферъ опыта есть нѣчто большее, чѣмъ правило изслѣдованія; она содержитъ нѣкоторое категорическое утвержденіе о самыхъ предметахъ опыта, и притомъ утвержденіе очень общаго и явно философскаго характера. Точно также признаніе законовъ механики и въ частности закона сохраненія энергии за исчерпывающій типъ и символъ всякихъ причинныхъ отношеній въ дѣйствительной жизни заключаетъ въ себѣ претензію на установленіе нѣкоторой основной онтологической истины. Главное слабое мѣсто параллелизма — не въ томъ, защищаетъ ли онъ абсолютное существованіе психической и физической области или видѣтъ въ нихъ два соподчиненные отдыла нашего единаго опыта, а въ томъ, что для двухъ родовъ фактовъ, различныхъ и по природѣ, и по направляющимъ ихъ законамъ, онъ предполагаетъ единство и совпаденіе, нисколько не поясняя, откуда оно берется, и даже принципіально лишая себя возможности объяснить его — чрезъ свое отрицаніе какихъ бы то ни было вліяній, и прямыхъ и косвенныхъ, между явленіями обоихъ порядковъ. Параллелистическая теорія въ очевидно различномъ ищетъ тожества, но вмѣсто тожества получаетъ непримиримую двойственность.

Итакъ, параллелистическая теорія въ самомъ существѣ своего построенія носитъ неустранимая логическая противорѣчія. Въ связи съ этимъ находится ея другой недостатокъ: предположенія параллелизма *немыслимы* въ самомъ строгомъ и буквальномъ значеніи этого слова. Несмотря ни на какія напряженія разсудка и фантазіи, мы дѣйствительно не можемъ представить себѣ, даже въ самомъ общемъ и схематическомъ видѣ, психическую половину міра съ ея безчисленными душевными состояніями, которыя отражаются въ себѣ всѣ процессы природы, идутъ съ ними шагъ въ шагъ, и однако ими не вызываются и ихъ не вызываютъ.

Въ этомъ отношеніи параллелистическая гипотеза остается чистымъ постулатомъ мыслить известнымъ образомъ, безъ малѣйшей реальной возможности выполнить такое требование. Слѣдуетъ думать, что указанные недостатки, рано или поздно, должны решить судьбу параллелизма въ философіи: теорія, логически противорѣчива и немыслимая, не должна имѣть места въ философіи и въ науцѣ.

Что же это значитъ? Если монистическое пониманіе человѣческой природы невозможно ни въ формѣ материализма, ни въ формѣ параллелизма, должны ли мы вернуться къ дуализму двухъ противоположныхъ субстанций? Но развѣ не ясны гнетущія противорѣчія дуалистического воззрѣнія? Понятія обѣ абсолютно нематеріальномъ духѣ и материальномъ тѣлѣ находятся въ очевидномъ отношеніи взаимного логического отрицанія, — какъ надѣяться эти понятія объединить въ представлениіи одного внутренне цѣлостнаго существа? Картезіанская школа всей своей исторіей не доказала ли решительной безплодности подобныхъ попытокъ?

На этотъ вопросъ отвѣчу другимъ: точно ли сущность духа и тѣла такъ противоположны, какъ мы это привыкли думать? Точно ли въ ихъ внутренней природѣ нѣтъ ничего аналогичнаго, что давало бы точку опоры для объясненія ихъ взаимной связи? Не должны ли мы постоянно помнить, что только дѣйствительность духа дана намъ непосредственно, а внутреннее существо материальныхъ вещей всегда составляетъ лишь предметъ нашихъ догадокъ, которые могутъ быть хороши, но могутъ быть и дурны?

Обсужденіе этихъ вопросовъ и другихъ, съ ними связанныхъ, однако уже не входитъ въ задачу сегодняшняго реферата, и безъ того слишкомъ затянувшагося. Поэтому я попрошу позволенія перейти къ ихъ разсмотрѣнію когда-нибудь въ другой разъ.

Л. Лопатинъ.